

Р. В. Ишмухамбетов

Ханская власть и внутренние «служилые» группы в Букеевской орде казахов (по данным архивов Оренбурга, Астрахани и Казахстана)

Статья посвящена явлению внутренней служилости казахской Букеевской орды, его постепенным видоизменениям во времени. Привлечены данные Оренбургского и Астраханского архивов, а также хорошо известные в науке, так и новейшие публикации. При рассмотрении дискуссионных вопросов автор обращает внимание на сложный процесс управления кочевниками. Ханская власть в этих целях специально привлекала стороннюю силу в лице служилых групп неказахского происхождения. Получая привилегии и земельные наделы, представители туленгутов, ногай-казахов и калпаков обязывались службой. Наиболее отчетливо, хотя и противоречиво, им удавалось проявить свою роль во время социальных протестов 1820—1840-х годов в Букеевской орде.

Ключевые слова: внутренняя служилость, приемный приговор, Букей, Джангир, Букеевская орда, Пограничная комиссия, губернаторы, казахи, татары, ногайцы.

Кочевничество, или номадизм, как особенный феномен общечеловеческой истории издавна привлекает ученых неординарностью и малоизученностью. Кочевое общество по своей разноплановости и разноуровневости отличалось от общества оседлого, что требовало особого подхода для управления им. Последующее распространение земледелия и полуседлости порождало вообще необычный синтез.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения многоплановых процессов управления и подчинения у оседавших кочевников, раскрытия явления внутренней служилости, его полиэтничного происхождения, социальной роли и динамики на основе привлечения новых источников.

Рассмотрим этот феномен на примере отношений российских властей сначала с Младшим жузом, а затем с Букеевской ордой, а также развитие системы власти и субординации внутри последней.

Новизна исследования заключается в более четком установлении иноэтнического компонента в казахской среде, особенностей происхождения и дальнейшего развития групп, вовлекаемых в службу, и во введении в научный оборот нового комплекса архивных документов, дополнении их фольклорными и полевыми экспедиционными данными, уточнении терминологии и определении перспектив для дальнейшего изучения проблемы.

Источниковой базой для работы послужил разнообразный архивный материал, найденный автором в Астраханском (ГАОО) и Оренбургском (ГАОО) государственных архивах, а также опубликованные документы, в первую очередь подробный и ценный сборник «История Букеевского ханства», изданный в г. Алматы в 2002 г. [13].

Документы, отложившиеся в разных архивных собраниях, удачно дополняют друг друга, позволяя приблизиться к пониманию полной картины событий. Очевидно, что по нашей теме в них отражены прежде всего те события, о которых ордынским властям невозможно было умолчать перед вышестоящими инстанциями¹. Поэтому далеко не все важные исторические факты были письменно зафиксированы.

¹ Пример такого умалчивания перед властями — практика Джангира наделения приближенных земельными наделами. Долгое время она не была известна российским властям, о ней узнали лишь после смерти хана, как это следует из доклада оренбургского губернатора В. А. Перовского [13, с. 812].

© Ишмухамбетов Р. В., 2020

В этой связи возрастает значение смежных наук, привлекаемых нами для дополнения архивных сведений, — этнографии, лингвистики, антропологии, фольклористики, эпиграфики, традиционного родословия (шежере) и др. Для получения достоверных выводов в рамках исследования автор использует различные методы сопоставления данных, содержащихся в источниках, их анализ и синтез. Тогда весь комплекс информации позволяет выстроить целостную картину исторических событий, дополняя важнейшие основные сведения.

Историографический обзор. Из публикаций давних отметим прежде всего труд П. И. Рычкова, в котором приводятся сведения о бегстве кундровских татар от Оренбурга, что положило начало служилой группе ногай-казахов [25, с. 329; 35]. Ценна для раскрытия темы книга А. Ф. Рязанова [26], который, изучая причины и ход восстания Исатая Тайманова, косвенно затронул участие в нем служилых групп. Еще более информативна работа Е. Б. Бекмаханова, он привлек и проанализировал широкий круг источников об этих событиях, хотя и в рамках тогдашней идеологии [3].

Процесс становления и осуществления власти в кочевой среде неоднократно становился предметом изучения (С. Г. Кляшторный, Т. И. Султанов, В. В. Трепавлов, Н. Н. Крадин, Р. Ю. Почекаев, С. А. Панарин, И. В. Торопицын и др.) [16; 17; 23; 24; 28; 29].

Представляют интерес публикации представителей школы исследователей, сложившейся в Западном Казахстане, в первую очередь в г. Уральске и его регионе (С. Х. Сагнаева, А. Ш. Курумбаев, Н. Ш. Курумбаев) [13; 15], а также работы казахстанских авторов Н. Э. Масанова [19] и И. В. Ерофеевой [12]. Так, И. В. Ерофеева называет строй казахского общества монархией, отмечая множественность власти на разных уровнях, особо выделяя группы султанов, ходжей и туленгутов. Н. Э. Масанов указывает на особенности климата и природных условий, которые повлияли на характер формирования общества и власти у казахов.

С. В. Любичанковский рассматривает специфику Волго-Уральского региона в рамках концепции «Великого Оренбурга», предложенной его коллегой профессором Кимитакой Мацузато (Япония). В этом контексте город Оренбург рассматривается как один из главных центров по управлению кочевыми и полукочевыми народами. Данный автор акцентирует внимание и на том, что имперские органы управления, находясь в тесном взаимодействии с властями на местах, стремились создать особый промежуточный центр руководства для сложной и проблемной окраины [18, с. 102].

Таким образом, данная проблематика активно изучается и вызывает интересные дискуссии.

Нами выдвинута рабочая гипотеза, что «служба» и «служилость» имели в кочевых и полукочевых сообществах различные истоки, идеологическое оформление и развитие в каждом случае, а новое «букеевское приграничье России» с начала XIX века выработало необычный тип управления и внутреннего баланса властных интересов и установлений при хане и при коллегиальном Совете орды. Это равновесие изменялось в кризисных условиях и воспроизводилось вновь, а вся ситуация по-разному отражена в архивах и в народной памяти.

Цель исследования — изучение с опорой на архивные и прочие источники особенностей и развития феномена внутренней служилости в Букеевской орде, его понимания оренбургскими и астраханскими властями.

Для достижения цели решались следующие задачи: рассмотреть историографию проблемы и связанные с нею источники, взаимодействие разных властных институтов в их развитии, привести образцы деятельности служилых групп в обычных и кризисных условиях, при ханском и коллегиальном порядке правления, а также примеры активности

региональных властей и отдельных их представителей в отношении кочевников, изучить взаимоотношения руководства разного уровня и подчиненных групп внутри орды, наметить перспективы дальнейших исследований.

Хронологические рамки исследования (начало XIX — начало XX века) включают несколько подэтапов и соответствуют периоду существования Букеевской орды как особого полуавтономного образования в составе Российской империи, но организационно подчиненного губернским властям вначале в Оренбурге, а затем в Астрахани.

Миграции как некая неотъемлемая часть исторического процесса изначально свойственны человеческому обществу [23, с. 17]. В начале XIX века, с переселением части младшежузовских казахов в междуречье Волги и Урала, образовалась Букеевская орда. Ей суждено было стать неким передовым краем кочевого мира, «образцовым ханством», которое демонстрировало преимущества российского подданства [6].

Но на практике представления о власти, службе и подчинении у российских властей и у их новых подданных заметно различались. Хотя могли они и любопытно сочетаться. Официальное признание давало местной знати и нововыдвиженцам престижный статус: привилегии, земельные наделы и государственную пенсию. Таким образом, постепенно и местный казахский аппарат управления встраивался в структуру власти всей Российской империи.

Нас в данном случае особенно интересует такое особое явление, как «служилость». Киргиз-кайсакам предписывалось служить так же, как служили башкиры и калмыки. Именно это убедительно отметила доктор исторических наук, ученый-номадовед из Казахстана И. В. Ерофеева, определив характер вассальных отношений Младшего жуза и букеевцев как подчинение без права самостоятельной воли [12, с. 35].

Имело место и своеобразное разногласие между региональными властями империи — оренбургскими и астраханскими, кому же орда должна быть подчинена «в большей мере и степени» [24, с. 75]. Внутренняя орда вначале частично управлялась оренбургским генерал-губернатором (по 1853 г.), а затем полностью вошла в Астраханскую губернию — территориально и по подчинению. Существовало также интересное положение, когда по обычным делам она подчинялась астраханскому губернатору, а по военным вопросам — оренбургскому, хотя периодически это разграничение и чередование нарушалось [24, с. 74].

Отряд уральских и астраханских казаков, вначале сопровождавший Букея, затем стоявший в ханской ставке Джангира, подчинился в первую очередь властям региональным и лишь во вторую — хану. Имелся еще и особый совет при хане из биев и старшин [6, с. 80]. Отметим, что в Букеевской орде старшин родов и биев часто жаловали казачьими чинами. Хан вполне охотно выдвигал своих приближенных на их присвоение. И российские власти, а именно Оренбургская пограничная комиссия, поддерживали эти предложения, поощряя тем самым за службу и на дальнейшее служение.

В Букеевской орде сочетались начала «прямого» и «косвенного» управления со стороны царских властей в опоре на древнюю и сильную традицию.

Нельзя отрицать и многовековое влияние идеологии «чингизизма» среди кочевников [16, с. 347]. Более того, сакрализация личности казахских ханов имела место еще в XVIII в. [12, с. 35].

Помнили свое знатное родословие и потомки Букея. Убеждены еще, что историческая память («чингизидская» — у казахов, батырско-бийская, уровня «эмир-мирза», — у ногайцев и их потомков) не раз возрождалась в дальнейшем, порой бессознательно. А бывала еще и «чингизидская конвергенция», когда так называемые «нечингизидские»

общества (ногаев, джунгар и др.) внезапно начинали воспроизводить институты власти, подобные заветам Чингиз-хана, правда, всегда на свой, особый манер.

Служилые группы сходились по своим функциям, будучи разнообразными у различных народов, они имели много общего. Об этом прежде упоминал П. И. Небольсин [21, с. 64], это же подчеркнул в своей статье о башкирах профессор Б. А. Азнабаев [1, с. 3].

Вместе с тем требуется поиск архивных документов, отразивших осмысление оседавшими кочевниками своей властной структуры.

Внутренняя власть и ее служба также представляют особый интерес. Так, изменялось даже положение власти имущих в самой казахской среде. Отныне ханы и султаны становились чиновниками на службе Российской империи, при них начали работать письмоводители. Естественно, менялась и прежняя «кочевая демократия», уступая место более авторитарной модели, где центральное место занимали ханы. А последние должны были стать проводниками политики российской администрации.

Как отмечает ряд авторов (А. Н. Харузин, А. Ф. Рязанов, Е. Б. Бекмаханов и др.), власть ханов, сколь бы «сакральной» она ни являлась, была шаткой и нуждалась в поддержке со стороны. В этих условиях был выбран путь усиления власти и влияния с привлечением «сторонней силы». Говоря словами А. Н. Харузина, ханы с целью укрепления власти привлекали к службе иноплеменные по происхождению элементы в орде [30, с. 34, 36]. Это прежде всего группы «принятой служилости», зачастую неказахского происхождения. Неинкорпорированные в среде букеевских казахов, они были зависимы от власти и поощрений со стороны ханов и султанов.

Принятые служилые группы в Букеевской орде состояли из туленгутов, ногай-казахов и калпаков. При этом оговоримся, что особенностью букеевских туленгутов было наличие в их среде с середины 20-х годов XIX века «новых туленгутов» из числа карагашногаев и ходжа-туленгутов.

Особенностью принятых служилых групп являлось еще и то, что они не имели официального статуса, но обладали не менее осязаемой внутренней престижностью, казахами вполне признаваемой. Основа зависимости и службы хану данных групп состояла в том, что он наделял их землями и покровительствовал в суде, а в случае с туленгутами — освобождал от части налогов [3, с. 109]. Ногай-казахи и примыкавшие к ним калпаки не освобождались от налогов, зато имели частичный «иммунитет»¹ от преследования за проступки, к тому же еще и наделялись землей.

Принятие изначально иноэтнических групп в букеевское общество происходило сначала простым явочным порядком, иногда — решением главы (хана). Так, например, беглые ногаи присоединялись к казахам [20, с. 35; 25, с. 132], а часть из них входила в состав Внутренней орды и становилась служилыми. Позже эта практика получила название «приемный приговор» и оформлялась официально и письменно. Упоминания о «приговорах» есть, но самих образцов их в документах не обнаружено. Это особая тема, и она внимательно изучается нами сейчас для последующих публикаций.

Неказахское этническое происхождение, означавшее отсутствие в принимавшем обществе связей и зависимостей, несомненно, облегчало выполнение полицейских и репрессивных функций. Наиболее отчетливо проявилась эффективность служилых групп при значимых вехах — переселении в Волго-Уралье и социальных протестах. Что не отменяло, впрочем, и размежевания, «двойного поведения» в их рядах в годы социальных волнений, о чем скажем далее.

¹ Автор имеет в виду одну из привилегий, которая заключалась в том, что суд над ними осуществляли непосредственно ханы и султаны, а не совет биев и старшин, как это видно из опубликованных документов [13, с. 766].

Таковыми протестами были движение Каип-Гали Ишимова (1828—1829 гг.), выступления Исатая Тайманова (1836—1838 гг.) и Аппаса Кушаева (1838—1842 гг.). Самым масштабным стало выступление батыра Исатая, основными движущими силами которого исследователи считали обедневшие слои. Но при этом возглавили его лидеры из числа батыров, например сам Тайманов, влиятельный и назначенный старшиной сначала Букей-ханом, а затем и Джангиром.

Наиболее бедный слой бугеевцев, а частью и старшины, и батыры, сообщая приняли сторону Исатая, иные просто выжидали. Хана в конфликте поддерживали султаны и бии. А принятые служилые по зависимости своей и службе большей частью тоже поддерживали хана. Имеются документы, подтверждающие активное участие ногай-казахов и туленгутов в подавлении восстания. При этом их представители имелись и «в стане восставших» [14, с. 42].

В рапорте от 5 ноября 1837 г. подполковник Геке сообщал, что Исатай стремился напасть именно на ногайцев, которые были особо привержены и послушны хану. Документально подтверждено, что действия казаков под руководством этого офицера совершались совместно с «ногаевским родом». Поэтому Исатай Тайманов и стремился ослабить «ногаевский род», осуществлявший наряду с казаками поддержку ханской власти. Ногай-казахи в составе гарнизона защитников осажденной ставки (наряду с султанами и туленгутами) только и ждали удара, готовясь к отражению нападения мятежников [14, с. 43].

Главное сражение защитников ханской власти с мятежниками состоялось 20 июля 1838 г. Батыр Исатай погиб, его сторонники понесли потери, некоторым удалось бежать. Важно, что хан Джангир Бугеев в своем списке представленных к благодарности за подавление восстания упомянул Шомбала Ниязова как советника (бия) и начальника рода ногай в числе первых и наградил, несмотря на то что прочие, за исключением А. Досмухаметова, были султанами [14, с. 44].

Все сказанное выше не случайно касается затронутого нами не раз особого, не вполне официального служилого положения нескольких групп среди бугеевцев. Мы отметили весьма сильную социальную активность именно ногай-казахов. Но их служилый статус не был официально признан государством и в документах специально почти не обозначен. Привилегии ногай-казахам со стороны хана отражались наиболее отчетливо в земельных пожалованиях. Но документов о таком даровании в материалах региональных архивов не обнаружено. Хотя на практике эти действия определенно имели место. Доказательством служит тот факт, что участник событий реформирования власти орды после смерти хана подполковник Геке сообщал, что Джангир распоряжался землями по своему усмотрению, награждая ими своих приближенных. Однако сам факт пожалования земли скрывался от российских властей: бумаги об этом хан выдавал самолично владельцам, не сообщая вышестоящему руководству. Более всех прочих наделял он землю и особо приближенный род ногай, что свидетельствует об их служилости и зависимости [13, с. 812].

Данное предположение подтверждается еще целым рядом аналогичных сведений. Так, ранее представители рода ногай исполняли роль поверенных хана Бугея и защищавших его совместно с казаками [13, с. 167]. А позже уже при Джангире, согласно формулярным спискам, бугеевские ногайцы — старшины Акбулат Сангрыков и Джумали Юсупов активно участвовали в предотвращении ухода за Урал казахов во время восстания Каип-Гали Ишимова [13, с. 578—579]. Другой такой факт — это служба курьером у хана представителя рода ногай Бикжана Ниязова, доставлявшего распоряжения хана и его письма [13, с. 593]. Кроме того, именно ногай-казахами обслуживалось большинство почтовых станций в орде [13, с. 723]. Очевидно, что ногай-казахам, как служилой группой,

был доступен своеобразный иммунитет, заключающийся в частичном освобождении от судебного преследования.

Здесь мы вновь усматриваем двойственное поведение ногаев. С одной стороны, их подчинение хану и выставление воинских отрядов. А с другой — их буйства и мятежи, например во время выступления против ханской власти под предводительством Аппаса Кушаева, который, впрочем, упоминал в показаниях, что находится «в услужении» у хана. Он также говорил о желании хана закрепить ногай-казахов официально [13, с. 558], как часто султаны желали поступить с туленгутами [3, с. 111].

Немаловажно упомянуть и о кочевании ногай-казахов совместно с ханом и туленгутами отдельно от прочих родов [27]. А это значит, что ногай-казахи исполняли службу при ханах, составляя особую сословную группу, которая получала в награду земли. При этом группу, в чем-то сходную с туленгутами (как «старыми», так и «новыми»), а в чем-то отличную от них.

Существенно, что источники других типов (фольклорные данные, родословия — шежере и воспоминания о предках, собранные в полевой работе) подтверждают строгую архивную информацию (предание у ногай-казахов о службе их предков стражниками у хана): «наши предки были стражниками у ханов» [22].

«Служилые» группы порой менялись местами. Пришлые в разное время старые и новые стали различаться в их усложнявшейся структуре. Имелись и случаи неудавшегося принятия, когда привлекаемые ханом для внутренней службы иноплеменники [30, с. 34, 36] не справлялись с нею. Именно такой оказалась судьба части группы так называемых калпаков, которые не задержались на ханской службе, а были изгнаны.

Весьма интересна переписка астраханского и оренбургского губернаторов как пример взаимодействия властей разных регионов. Автором статьи обнаружены документы, сходные с теми, которые были введены в научный оборот этнологом из г. Астрахани В. М. Викториним. Они представляют собой переписку астраханского, оренбургского, а также саратовского губернаторов для осуществления дальнейших действий по отношению к служилой группе калпаков. Калпаки после их изгнания обосновались поблизости от Букеевской орды — на саратовских и астраханских землях [5]. По факту принятия калпаками тамг ногай-казахов допустимо соотносить их по статусу с последними.

В астраханской части переписки содержится нелестный отзыв хана Джангира о каракалпаках (каракалпаки, они же калпаки, — это, по данным языка и хронологии, группа беглых солдат-татар, скрывшихся в орде под выгодно чужим этнонимом. — *Р. И.*). Хан сначала жаловался на них властям [7, л. 3, 3 об.], опасаясь того, что они как-то станут ему вредить. Далее последовали пожелания найти им иное местопребывание. Этот документ был составлен в отношении первой изгнанной Джангиром в 1827 г. группы (назовем ее «казанской» в отличие от последовавшей «мишаро-пензенской»). Затем хан обвинял их в буйном поведении и даже в грабеже.

Разрешение этих трудностей с каракалпаками затянулось на два десятилетия, что явствует из документа, обнаруженного нами в Государственном архиве Оренбургской области [11]. Поскольку статус «калпаков — каракалпаков» не был определен, появился интересный, но так и не осуществленный проект поверстания каракалпаков в казачье сословие к Уральскому казачьему войску. Однако они сами отказались от этого, опасаясь притеснений со стороны башкир [11, л. 33].

Существовал и другой проект, о чем астраханским и оренбургским губернаторами велась переписка с «начальником Кавказской области» (так в документе. — *Р. И.*), — переселить этих «бесприютных» калпаков в кизлярскую Ногайскую степь с причислением

их к караногайцам, однако и он был в итоге отвергнут и властями, и самой группой [11, л. 68 об.].

Очевидно, что для каракалпаков ближе и привычнее был статус кочующих инородцев-припущенников, нежели иной, сопряженный с военной службой. В пользу этого, в частности, свидетельствует проявившееся вскоре и отчасти осуществленное их желание войти в общество ногайцев-карагашей вблизи крепости Красный Яр и г. Астрахань [11, л. 3].

Итак, десятилетием позже приема на службу, в 1827 г., каракалпаки, которых Джангир изгнал из орды, стали проживать в российских губерниях по границам букеевских степей [4]. Вместо них Джангиром были взяты на службу «каракалпаки вторые, новые», служилые временно — татары-мишари, пензенские по происхождению, из Лятошинки, села в степной части Царицынского уезда [2]. Удержались они в орде недолго (до 1842 г.), затем по собственному желанию переехали и основали два селенья в правобережье под Астраханью.

Встал вопрос о возвращении каракалпаков первых, изгнанных или же части их. Части каракалпаков это удалось: напомнив хану Джангиру о «старинных службах их предков» [7, л. 244] еще отцу последнего, Букею, они получили разрешение вернуться [7, л. 246].

В конце концов в 1866 г. и прочие каракалпаки из числа пожелавших были присоединены в составе 43 семей вновь по факту приемного приговора в состав букеевских казахов [11, л. 169]. Притом другая небольшая часть каракалпаков была принята в состав ногайцев-карагашей [5, с. 157]. Их потомки известны и выделяются среди карагашей в Красноярском и Приволжском районах Астраханской области [22].

Следовательно, взаимоотношения центральных и губернских властей с элитными слоями внутри Букеевской орды во многом фокусировались именно в проблемах «служилых групп», иноэтничных по истокам.

Собранные нами с 2015 г. и по сей день архивные сведения позволяют ввести в практику такие термины, как «динамичное равновесие» социальных слоев и групп с нередким смещением акцентов в нем, «смешанное управление», «внутренняя служба», «принятые группы», «усложнение их структуры» и зачастую «двойное поведение», «замена группы группой», и наметить ряд аспектов, требующих изучения. Все это, как следует из вышеизложенного, подтверждается как архивными, так и полевыми данными [22].

Институции власти в Букеевской орде и в связи с ней (Пограничная комиссия в г. Оренбурге и др.) характеризовались общими стоявшими перед ними задачами, но различались по своему происхождению, структуре и методам управления.

Отмеченный материал может стать полезной отправной точкой для новых исследований. Один из перспективных примеров — феномен особой внутренней служилости. При этом значение служилых групп в качестве военно-полицейской силы наиболее рельефно проявлялось в периоды мощных миграций и социальных катаклизмов.

Итак, можно вести речь о сложном взаимодействии между разными социальными слоями и группами (как собственно казахскими, так и иноэтничными, смешанного происхождения) внутри орды. И как раз служилые группы разных уровней своей историей позволяют нам определить, когда это равновесие нарушалось. Нами отмечены и важные модификации в этой сфере (потеснение в службе ногай-казахами туленгутов и проч.).

Букеевская орда была полиэтничной, внутреннюю службу несли и за нее боролись (но бывало и отказывались от нее) принятые иноплеменники, не имевшие официального признания, но составлявшие весомую поддержку ханской и султанской власти. А российская администрация, не отражая в документах такую службу официально, сталкивалась с нею по факту и учитывала ее.

При этом важные события и народные волнения (переселение в орду, выступления Каип-Гали Ишимова, Исатая Тайманова и др.) показали, что роль боеспособных служилых групп была весьма важной в военно-полицейском обеспечении хана и султанов.

Имеются классические образцы историографии по проблеме и появляется новая литература по ней. А данные архивов [8—10] прямо или косвенно подтверждают наши выводы, равно как и предположения, выдвинутые иными авторами [30, с. 40—41; 26, с. 48].

Углубление совместными усилиями ученых разных регионов и соседних стран целого комплекса обозначенных нами выше проблем, в том числе и на более масштабном, нежели в предлагаемой статье, пространственно-историческом материале, — дело обозримого будущего.

В более общем контексте можем пока лишь предположить последовательность воспроизведения служилости в кочевой и полукочевой среде на протяжении столетий.

Список использованных источников и литературы

1. Азнабаев Б. А. Иноэтничные структуры в племенном ополчении башкир и казахов в XVIII в. // Этнос. Общество. Цивилизация: Пятые Кузеевские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Уфа, 27—28 сент. 2018 г.). Уфа : Диалог, 2018. С. 3—8.
2. Арсланов Л. Ш., Викторин В. М. Кто такие астраханские ногайцы // Политическая агитация : журн. Астраханского обкома КПСС. 1988. № 20. С. 11—15.
3. Бекмаханов Е. Б. Казахстан в 20—40-е годы XIX в. / под ред. Н. Б. Жиенгалиева. Алма-Ата : Изд-во Казах. ун-та, 1992. 400 с.
4. Викторин В. М. «Принятые» этногруппы в составе приволжско-прикаспийских казахов // Единый Каспий: Межгосударственное сотрудничество и проблемы экономического и социального развития региона : материалы междунар. науч. конф. (10—14 июня 2002 г.). Астрахань : Изд-во Астрахан. гос. пед. ун-та, 2002. С. 77—79.
5. Викторин В. М. Татары-«каракалпаки» (казанские и мишарские) в Нижнем Поволжье: парадоксы межэтнических связей тюркских народов в XIX—XXI вв. // Историческая и современная регионалистика Верхнего Дона и Среднего Поволжья : сб. материалов науч. конф. «Историческое и этническое развитие Нижнего Поволжья» (Волгоград, ИЭиАМЗ «Ст. Сарепта», 10 сент. 2004 г.) и X Междунар. фестиваля национальных культур «Сарептские встречи». Волгоград ; Сарепта : Волгогр. науч. изд-во, 2005. С. 155—163.
6. Васильев Д. В. Организация управления Внутренней казахской ордой в первой половине XIX в. // Вестник Московского государственного областного университета. История и политические науки. 2015. № 4. С. 76—85. DOI: 10.18384/2310-676X-2015-4-76-85.
7. Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 238.
8. ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 288.
9. ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 331.
10. ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 605.
11. Государственный архив Оренбургской области. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4616.
12. Ерофеева И. В. Хан Абулхаир: полководец, правитель, политик. Алматы : Дайк-Пресс, 2007. 456 с.
13. История Букеевского ханства. 1801—1852 гг. : сб. документов и материалов / сост. Б. Т. Жанаев, В. И. Иночкин, С. Х. Сагнаева. Алматы : Дайк-пресс, 2002. 1120 с.
14. Ишмухамбетов Р. В. Восстание Исатая Тайманова 1836—1838 гг. во Внутренней (Букеевской) орде казахов и служилые группы ее населения // Каспийский регион: политика, экономика, культура. Астрахань, 2016. № 4 (49). С. 39—47.
15. Курумбаев А. Ш. Этнические группы Букеевской орды // Актуальные вопросы истории и культуры ногайцев. Ногаеведческий сборник. Астрахань : Color, 2013. Вып. 1. С. 75—78.
16. Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алматы : Рауан, 1992. 383 с.
17. Крадин Н. Н. Структура власти в государственных образованиях кочевников // Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти. М. : Восточная литература : Наука, 1993. С. 192—209.
18. Любичанковский С. В. Реляции О. А. Игельstroma в Государственный совет как исторический источник по проблеме интеграции казахских земель в состав Российской империи // Уральский исторический вестник. 2013. № 2 (39). С. 102—107.

19. Масанов Н. Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевнического общества. Алматы : Социнвест ; М. : Горизонт, 1995. 320 с.
20. Мустафина Д. А. Мнение тайного советника Василия Татищева // Гасырлар авазы = Эхо веков. 1996. № 1/2. С. 35—41.
21. Небольсин П. И. Очерки Волжского низовья. СПб. : Типогр. МВД, 1852. 213 с.
22. ПМА — Полевые экспедиционные материалы автора // Личный архив автора.
23. Панарин С. А. Миграции на шкале *longue durée* : предисл. к коллект. монографии // От века бронзового до века цифрового: феномен миграции во времени. К юбилею 200-летия Ин-та востоковед. РАН. Барнаул : Изд-во Алтайск. гос. ун-та, 2018. С. 11—29.
24. Почекаев Р. Ю. Между Санкт-Петербургом, Оренбургом и Астраханью: отношения Букеевского ханства с центральными и пограничными властями Российской империи // Формирование эффективной системы управления и самоуправления на Южном Урале в XVIII—XX вв. : сб. науч. тр. / отв. ред. Г. Э. Емалетдинова. Уфа ; Стерлитамак : Стерлитамакский филиал БашГУ, 2014. С. 73—87.
25. Рычков П. И. Топография Оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии. Часть 1. СПб. : Императорская Академия наук, 1762. 331 с.
26. Рязанов А. Ф. Восстание Исатая Тайманова (1836—1838 годы). Ташкент : Типолит. № 2, 1927. 103 с.
27. Терещенко А. Ф. Следы Дешт-Кипчака и Внутренняя Киргиз-Кайсацкая орда // Москвитянин. М. : Типогр. Ник. Степанова, 1853. Т. 6, № 22. С. 5—64.
28. Торопицын И. В. Россия и ногайцы: поиск путей самоопределения и сосуществования // Тюркологический сборник. 2009—2010: Тюркские народы в древности и средневековье / Ин-т восточ. рукописей РАН. М. : Восточ. лит-ра, 2011. С. 330—359.
29. Трепавлов В. В. «В царстве другого царства быть не может». Вассальные владения в составе России (XVII — начало XX в.) // Российская история. 2015. № 3. С. 3—14.
30. Харузин А. Н. Киргизы Букеевской орды: антрополого-этнологический очерк. М. : Типогр. А. Левенсона и К°, 1889. 338 с. (Известия О-ва ЛЕАиЭ при Моск. ун-те. Т. LXII. Вып. 1).

Поступила в редакцию 15.05.2019

Ишмухамбетов Рамиль Валитович, соискатель
Астраханский государственный университет
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20А
E-mail: ramil_0186@mail.ru

UDC 94(47+57)“18”+321:397

R. V. Ishmukhambetov

Khan power and internal “servant” groups in the Kazakh Bukey horde (according to Kazakhstan, Orenburg and Astrakhan archives)

The article is devoted to the phenomenon of “internal service” within the Bukey horde. The data of the Orenburg and Astrakhan archives, as well as the publications of the authors both well-known in science and the latest are included. Considering the controversial issues, the author also draws attention to the complex process of “management of nomads”. To this end, the Khan authorities specifically attracted “outside force” in the person of non-Kazakh ethnic service groups. Receiving privileges and land plots, representatives of the Tulenguts, Nogai-Kazakhs and Kalpaks were obliged to serve. Most clearly, though controversially they managed to show their role during the social protests of the 1820s — 1840s in the Bukey horde.

Key words: internal service, acceptance sentence, Bukey, Dzhangir, Bukey horde, Border Commission, governors, Kazakhs, Tatars, Nogai.

Ishmukhambetov Ramil Valitovich, Candidate for a degree
Astrakhan State University
Russian Federation, 414056, Astrakhan, ul. Tatishcheva, 20A
E-mail: ramil_0186@mail.ru

References

1. Aznabaev B. A. Inoetnichnye struktury v plemennom opolchenii bashkir i kazakhov v XVIII v. [Foreign ethnic structures in the tribal militia of the Bashkirs and Kazakhs in the XVIII century]. *Etnos. Obshchestvo. Tsivilizatsiya: Pyatye Kuzeevskie chteniya: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. (Ufa, 27—28 sent. 2018 g.)* [Ethnicity. Society. Civilization: Fifth Kuzeev Readings. Proceed. of All-Russia sci.-pract. conf. (Ufa, Sept. 27—28, 2018)]. Ufa, Dialog Publ., 2018, pp. 3—8. (In Russian)
2. Arslanov L. Sh., Viktorin V. M. Kto takie astrakhanskije nogaity [Who are the Astrakhan Nogais]. *Politicheskaya agitatsiya: zhurn. Astrakhanskogo obkoma KPSS*, 1988, no. 20, pp. 11—15. (In Russian)
3. Bekmakhanov E. B. *Kazakhstan v 20—40-e gody XIX v.* [Kazakhstan in the 20—40s of the XIX century]. Alma-Ata, Kazakh. un-t Publ., 1992. 400 p. (In Russian)
4. Viktorin V. M. “Prinyatyje” etnogruppy v sostave privolzhsko-prikaspiiskikh kazakhov [“Accepted” ethnic groups as part of the Volga-Caspian Kazakhs]. *Edinyi Kaspii: Mezhdunarstvennoe sotrudnichestvo i problemy ekonomicheskogo i sotsial'nogo razvitiya regiona: materialy mezhdunar. nauch. konf. (10—14 iyunya 2002 g.)* [Unified Caspian: Interstate cooperation and problems of the economic and social development of the region. Proceed. of the Internat. sci. conf. (June 10—14, 2002)]. Astrakhan, Astrakhan. gos. ped. un-t Publ., 2002, pp. 77—79. (In Russian)
5. Viktorin V. M. Tatory-“karakalpaki” (kazanskije i misharskije) v Nizhnem Povolzh'e: paradoksy mezhetnicheskikh svyazei tyurkskikh narodov v XIX—XXI vv. [Tatars-“Karakalpaks” (Kazan and Mishar) in the Lower Volga: Paradoxes of Interethnic Relations of Turkic Peoples in the 19th — 21st centuries]. *Istoricheskaya i sovremennaya regionalistika Verkhnego Dona i Srednego Povolzh'ya: sbornik materialov nauch. konf. “Istoricheskoe i etnicheskoe razvitie Nizhnego Povolzh'ya” (Volgograd, IEiAMZ “St. Sarepta”, 10 sent. 2004 g.) i X Mezhdunar. festivalya natsional'nykh kul'tur “Sareptskie vstrechi”* [Historical and modern regional studies of the Upper Don and Middle Volga. A collection of materials of the scientific conf. “Historical and Ethnic Development of the Lower Volga Region” (Volgograd, IEiAMZ “St. Sarepta”, September 10, 2004) and X Internat. festival of national cultures “Sarept meetings”]. Volgograd, Sarepta, Volgogr. nauch. izd-vo Publ., 2005, pp. 155—163. (In Russian)
6. Vasilyev D. V. Organizatsiya upravleniya Vnutrennei kazakhskoi ordoi v pervoi polovine XIX v. [The creation of governing system for the inner Kazakh horde in the first half of the 19th century]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Istoriya i politicheskie nauki — Bulletin MSRU. Series: History and Political Science*, 2015, no. 4, pp. 76—85. DOI: 10.18384/2310-676X-2015-4-76-85. (In Russian)
7. *Gosudarstvennyi arkhiv Astrakhanskoi oblasti* [State Archive of the Astrakhan Region] (GAAO). F. 2. Op. 1. D. 238.
8. GAAO. F. 2. Op. 1. D. 288.
9. GAAO. F. 2. Op. 1. D. 331.
10. GAAO. F. 2. Op. 1. D. 605.
11. *Gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti* [State Archive of the Orenburg Region]. F. 6. Op. 10. D. 4616.
12. Erofeeva I. V. *Khan Abulkhair: polkovodets, pravitel', politik* [Khan Abulkhair: commander, ruler, politician]. Almaty, Daik-Press Publ., 2007. 456 p. (In Russian)
13. *Istoriya Bukeevskogo khanstva. 1801—1852 gg.: sbornik dokumentov i materialov* [History of the Bukey Khanate. 1801—1852. Collect. of documents and materials]. Almaty, Daik-press Publ., 2002. 1120 p. (In Russian)
14. Ishmukhambetov R. V. Vosstanie Isataya Taimanova 1836—1838 gg. vo Vnutrennei (Bukeevskoi) orde kazakhov i sluzhilye gruppy ee naseleniya [Isatay Taymanov's insurrection of 1836—1838 in the Inner (Bukey) horde and role of it serving groups]. *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura. Astrakhan — The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, 2016, no. 4 (49), pp. 39—47. (In Russian)
15. Kurumbaev A. Sh. Etnicheskie gruppy Bukeevskoi ordy [Ethnic groups of the Bukey horde]. *Aktual'nye voprosy istorii i kul'tury nogaitsev. Nogaevdcheskii sbornik* [Urgent issues of the history and culture of the Nogais. The Nogais studies]. Astrakhan, Color Publ., 2013, is. 1, pp. 75—78. (In Russian)
16. Klyashtorny S. G., Sultanov T. I. *Kazakhstan. Letopis' trekh tysyacheletii* [Kazakhstan. Chronicle of three millennia]. Almaty, Rauan Publ., 1992. 383 p. (In Russian)
17. Kradin N. N. Struktura vlasti v gosudarstvennykh obrazovaniyakh kochevnikov [The structure of power in state formations of nomads]. *Fenomen vostochnogo despotizma: struktura upravleniya i vlasti* [The phenomenon of oriental despotism: the structure of governance and power]. Moscow, Vostochnaya literatura, Nauka Publ., 1993, pp. 192—209. (In Russian)
18. Lyubichankovskii S. V. Relyatsii O. A. Igel'stroma v Gosudarstvennyi sovet kak istoricheskii istochnik po probleme integratsii kazakhskikh zemel' v sostav Rossiiskoi imperii [O. A. Igelstrom's reports to the State

council as a historical source on the problem of integration of Kazakh lands into the Russian Empire]. *Ural'skii istoricheskii vestnik — Ural Historical Journal*, 2013, no. 2 (39), pp. 102—107. (In Russian)

19. Masanov N. E. *Kochevaya tsivilizatsiya kazakhov: osnovy zhiznedeyatel'nosti nomadnogo obshchestva* [The nomadic civilization of the Kazakhs: the foundations of a nomadic society]. Almaty, Sotsinvest Publ., Moscow, Gorizont Publ., 1995. 320 p. (In Russian)

20. Mustafina D. A. Mnenie tainogo sovetnika Vasiliya Tatishcheva [Opinion of Privy Councilor Vasily Tatishchev]. *Gasyrlar avazy = Ekho vekov*, 1996, no. 1/2, pp. 35—41. (In Russian)

21. Nebol'sin P. I. *Ocherki Volzhskogo nizov'ya* [Essays on the Lower Volga]. St. Petersburg, Tipogr. MVD Publ., 1852. 213 p. (In Russian)

22. PMA — Poleyve ekspeditsionnye materialy avtora [FMA — Field expeditionary materials of the author]. *Lichnyi arkhiv avtora* [Personal archive of the author]. (In Russian)

23. Panarin S. A. Migratsii na shkale longue durée: predisl. k kollekt. monografii [Migrations on the longue durée scale: foreword to the collect. monograph]. *Ot veka bronzovogo do veka tsifrovogo: fenomen migratsii vo vremeni. K yubileyu 200-letiya In-ta vostokoved. RAN* [From the Bronze Age to the Digital Age: the phenomenon of migration in time. On the occasion of the 200th anniversary of the Institute of Oriental Studies. RAS]. Barnaul, Altaisk. gos. un-t Publ., 2018, pp. 11—29. (In Russian)

24. Pochekaev R. Yu. Mezhdru Sankt-Peterburgom, Orenburgom i Astrakhan'yu: otnosheniya Bukeevskogo khanstva s tsentral'nymi i pograničnymi vlastyami Rossiiskoi imperii [Between St. Petersburg, Orenburg and Astrakhan: relations of the Bukey khanate with the central and border authorities of the Russian Empire]. *Formirovanie effektivnoi sistemy upravleniya i samoupravleniya na Yuzhnom Urale v XVIII—XX vv.: sbornik nauch. trudov* [Formation of an effective system of governance and self-government in the Southern Urals in the 18th — 20th centuries. Collect. of scientific works]. Ufa, Sterlitamak, Sterlitamakskii filial BashGU Publ., 2014, pp. 73—87. (In Russian)

25. Rychkov P. I. *Topografiya Orenburgskaya, to est': obstayatel'noe opisaniye Orenburgskoi gubernii. Chast' I* [The Orenburg topography, that is a detailed description of the Orenburg province. Part 1]. St. Petersburg, Imperatorskaya Akademiya nauk Publ., 1762. 331 p. (In Russian)

26. Ryazanov A. F. *Vosstanie Isataya Taimanova (1836—1838 gody)* [The uprising of Isatay Taimanov (1836—1838)]. Tashkent, Tipolit. no. 2 Publ., 1927. 103 p. (In Russian)

27. Tereshchenko A. F. Sledy Desht-Kipchaka i Vnutrennyaya Kirgiz-Kaisatskaya orda [Traces of Desht-Kipchak and the Inner Kirghiz-Kaysatsky Horde]. *Moskvityanin*. Moscow, Tipogr. Nik. Stepanova Publ., 1853, vol. 6, no. 22, pp. 5—64. (In Russian)

28. Toropitsyn I. V. Rossiya i nogaitsy: poisk putei samoopredeleniya i sosushchestvovaniya [Russia and the Nogais: the search for ways of self-determination and coexistence]. *Tyurkologicheskii sbornik. 2009—2010. Tyurkskie narody v drevnosti i srednevekov'e* [Turkic digest. 2009—2010. Turkic peoples in antiquity and the Middle Ages]. Moscow, Vostochn. lit-ra Publ., 2011, pp. 330—359. (In Russian)

29. Trepavlov V. V. “V tsarstve drugogo tsarstva byt' ne mozhet”. Vassal'nye vladeniya v sostave Rossii (XVII — nachalo XX v.) [“In a kingdom there cannot be another kingdom”. Russia's protectorates from the seventeenth to the early twentieth centuries]. *Rossiiskaya istoriya*, 2015, no. 3, pp. 3—14. (In Russian)

30. Kharuzin A. N. *Kirgizy Bukeevskoi ordy: antropologo-etnologicheskii ocherk* [Kirghiz Bukey horde: anthropological and ethnological essay]. Moscow, Tipogr. A. Levensona i K° Publ., 1889. 338 p. (In Russian)